

Янь Силин вовсе не была в ярости, лишь стиснула зубы и зло выкрикнула последнюю строку: «Алый свет свечи пляшет, словно свадебный наряд, а сердце жениха — в пучину речной глади!»

В этом была вся трагедия её жизни: вынужденная выйти замуж за нелюбимого под давлением родни, она не смогла завоевать сердце того, кого сама любила. Зная, что её чувства никогда не будут взаимны, она всё же цеплялась за слабую надежду — как смешно, как печально...

Сказав это, она бросилась вперёд, заноса меч.

С глухим звуком клинок вонзился в плечо Цзян Чжао, и на её белом одеянии расцвёл ещё один кровавый цветок.

Янь Силин замерла, глядя на неё. Шум на площади мгновенно стих.

Тишина. Даже ветер затих.

Казалось, время остановилось. Пока Янь Силин не заплакала, потеряв голос, и лишь прошептала три слова: «Почему?»

Цзян Чжао опустила взгляд, её лицо оставалось бесстрастным. Она схватила Меч Байлань и сжала его так, что лезвие впилося в ладонь, оставляя кровавые следы. Молча она отступила, пока острие не вышло из её тела.

С лязгом меч выпал из рук Янь Силин.

Этот звук вернул всех к реальности.

Увидев, что наставник ранен, Ли Чжао не смогла сдержать слёз. Будучи обездвиженной, она лишь лила потоки слёз, её лицо оставалось бесстрастным, и даже рыдания не вырывались из горла.

Однако после краткого молчания раздался оглушительный рёв ликования. Не то чтобы они ненавидели эту женщину, но вид раненого злодея всегда вызывает радость.

Тихо вздохнув, Лянь Хэнсин, видя, что оба на сцене не двигаются, решил вмешаться — ведь для воина потеря оружия равносильна поражению.

Но прежде чем он успел заговорить, Янь Силин сама признала поражение. Проходя мимо Цзян Чжао, она смотрела вперёд, не замедляя шага, и лишь тихо произнесла: «Прощай».

Цзян Чжао по-прежнему молчала.

Затем Янь Силин подняла руку и сказала: «Прошу мастера Циня подняться на сцену. Жизнь Цзян Чжао теперь в ваших руках».

Эти слова заставили двух старцев из Дворца Байлин, уже собиравшихся вмешаться, остановиться. Они пристально посмотрели на неё, и взгляды их потемнели.

В то же время это объясняло, почему она добровольно признала поражение.

Цинь Чэн, глава секты Тайхан, слегка поклонился ей в знак благодарности. Он уже собирался подняться на сцену, но его опередил другой.

Пэн Синчжуан, старейшина секты Тайхан, наставник с пика Просветления и учитель Цзянь Юй. Он взлетел на Платформу Обсуждения Героев, его волосы и борода встали дыбом, а боевой дух потряс небеса. Словно с неба раздался гром, и он начал перечислять злодеяния Цзян Чжао.

«Девять лет назад, воспользовавшись тем, что секта Тайхан участвовала в собрании Альянса Улинь, ты вместе с еретиками устроила заговор против нас. Ты убила моего лучшего ученика, искалечила моего любимого приёмного сына и уничтожила тысячи последователей секты Тайхан. Сегодня мы сведём счёты. Цзян Чжао, ты умрёшь!»

Сказав это, он вытащил Меч Цзюйчжи со спины, подпрыгнул на три чжана и, используя силу ветра и грома, обрушил меч, словно гору.

Удар!

С глухим звоном Цзян Чжао подняла меч, чтобы заблокировать. Рана брызнула кровью, земля под ногами треснула, а в руках собралась истинная ци. Однако её лицо изменилось.

«Он тоже достиг Прежде небесного...» — с удивлением прошептал Лянь Хэнсин, слова сорвались с его губ.

Действительно, Пэн Синчжуан также достиг Сферы Прежде небесного. Этот удар содержал не только мощную истинную ци, но и силу небес. Для Цзян Чжао, уже раненой и измотанной чередой сражений, это было началом конца.

Цзян Чжао погрузилась в землю на три цуня. Рука, держащая меч, была разрушена бушующей ци, плоть порвана, кости обнажены. Она стиснула зубы, но не могла остановить погружение, а её противник, полный сил, лишь наращивал мощь. Шансов на победу больше не было...

Цзян Чжао закрыла глаза. Истинная ци в её руках начала рассеиваться. Не то чтобы она сдалась, но силы её были на исходе. Впрочем, это было то, чего она хотела.

На пороге смерти уголок её губ дрогнул в улыбке, и её бледное, бесстрастное лицо наконец обрело немного цвета. Может быть, это был солнечный луч, пробившийся сквозь тучи и упавший на её лицо? Возможно.

Наконец она обрела покой.

Её лицо стало спокойным. В тумане она увидела того, кого так долго искала, с самой прекрасной улыбкой в мире, нежно зовущую её: «А-Чжао». И она протянула руку — наконец она сможет обнять её...

«Наставник!!!» — раздался крик, разорвавший тишину.

В этот момент Ли Чжао, преодолев блокировку акупунктурных точек, издала вопль и бросилась вперёд без оружия!

Но Платформа Обсуждения Героев была наполнена бушующей ци. Как она, ученица Сферы Ученика, могла противостоять этому? Едва она сделала шаг, как её тело покрылось десятками ран от ци, сохраняющей истину. Она изо всех сил пыталась двигаться вперёд, но её отбросило назад, и она не могла приблизиться ни на шаг.

Ли Чжао покраснела от гнева, видя, как Меч Цзюйчжи в руках старца всё ближе подбирается к голове наставника, словно тот собирался разрубить её пополам. Как она могла не горевать от ярости? Но как прорваться сквозь эту ци, подобную горе? Как спасти наставника до того, как её убьют?

Стиснув зубы до крови, в этот критический момент Ли Чжао внезапно успокоилась и остановилась, прекратив самоубийственное движение вперёд. Перед её глазами мелькнул золотой свет, и она вспомнила «Технику Золотой Пилюли», которую ей дал товарищ по пути.

Там было написано: «В древние времена, когда хаос царил в мире, ци неба и земли была жестокой и свирепой. Те, кто искал Дао, погибали в считанные мгновения, их тела разрушались, а божественное сознание рассеивалось. Но предки, ступая по горам трупов, искали способ сосуществования с небом и землёй и в конце концов нашли путь прорыва. А именно: „Не бойся, сохраняй единство, вмещай в себя океан небес, будь единосущным с небом“».

Дыхательная практика — основа боевого пути, но также и самый мощный метод в мире.

Ли Чжао тут же села на землю и начала практиковать дыхание в месте, где ци бушевала и свирепствовала. Такое поведение шокировало всех.

Но это было ещё не всё. Как раз когда Ли Чжао собиралась поглотить всю ци старца, чтобы спасти наставника, еретики, скрывавшиеся до этого момента, наконец решили действовать...

В то же время в Фэнчэне со всех сторон поднялся дым, и крики горожан донеслись издалека, сопровождаемые ветром, словно плач духов. Наблюдавшие за битвой тут же запаниковали, начали озираться и обсуждать, но не сдвинулись с места.

Хэ Чжимин и другие вершины не были удивлены этим. Они уже расставили ловушки в городе, и еретики, пытавшиеся шантажировать их жизнями горожан, чтобы те отказались от Цзян Чжао, не имели ни единого шанса.

«Не волнуйтесь, друзья, это дело будет решено нашими учениками из пяти великих школ», — тут же заявил Хэ Чжимин, успокаивая собравшихся.

Однако едва он закончил, как ученик Союза Шоцзянь подбежал издалека, крича: «Мастер, скорее...»

Но не успел он закончить, как упал замертво.

В то же время на внешнем краю наблюдателей взметнулись кровавые брызги, и толпа мгновенно запаниковала. За несколько мгновений почти десять тысяч человек оказались окружены сотнями убийц в чёрном, и эти герои Поднебесной, словно скот на убой, лишь толкались и пытались убежать, забыв о сопротивлении...

А те, кто спокойно сидел на крышах, оказались в ещё худшем положении — они разбегались, как стая птиц, и еретики уничтожали их одного за другим.

Увидев это, Хэ Чжимин понял, что попытка захватить Цзян Чжао теперь обойдётся слишком дорого, и приказал Пэн Синчжуану на сцене как можно скорее покончить с великим злодеем, но...

Он обернулся, и холодный пот выступил на спине.

На сцене больше не было Цзян Чжао, только Пэн Синчжуан лежал без сознания, а ученик Цзян Чжао также исчез.

«Это...» — Хэ Чжимин был потрясён и удивлён — как Цзян Чжао смогли спасти без единого звука? Он огляделся и остолбенел.

Секта Тайхан, Скрытое Острие, Дворец Байлин, Минши и Союз Шоцзянь — все, кто окружал Платформу Обсуждения Героев, лежали бездыханными. Даже старый лис Лянь Хэнсин...

Хэ Чжимин отступил на два шага, вдруг почувствовав ледяной холод в спине. Он не успел обернуться, как его затылок пронзил холод, и сознание помутнело.

С глухим стуком Хэ Чжимин упал на землю, став последним.

На балке башни сидели трое странно одетых стариков, их одежда была похожа на пёстрых бабочек, а кожа имела фиолетовый и чёрный оттенки. Они смотрели на лежащих внизу героев правого пути и издавали зловещий смех.

<http://bllate.org/book/16264/1463632>